

12+

СЕРГЕЙ МАУЗЕР

Восковые письма

Сергей Маузер

Восковые письма

<https://litres.ru/74543887>

ISBN 9785007134286

Аннотация

«Восковые письма» — роман в письмах о бабушке, которая делает церковные свечи и пишет тем, кого любит: внучке, дочери, мужу, себе. Анна Петровна живёт одна в Сергиевом Посаде. Каждое утро она топит воск, чтобы сделать свечи. И пишет письма. Внучке, которая не отвечает. Мужу, которого нет. Матери, которая не сказала главного. Себе — той девочке, что боялась. Это роман о том, что можно молчать всю жизнь — и всё-таки сказать. О том, что даже простая свеча хранит чью-то историю.

Содержание

Глава 1. Письмо первое. Внучке	6
Глава 2. Письмо второе. Мужу	7
Глава 3. Письмо третье. Матери	8
Глава 4. Письмо четвёртое. Себе	9
Глава 5. Письмо подруге. Валентине	10
Глава 6. Письмо священнику. Отцу Михаилу	11
Глава 7. Подробности ремесла. Как я делаю свечи	13
Глава 8. Письмо первому мужу. Виктору	15
Глава 9. Письмо соседке. Тамаре	16
Глава 10. Письмо себе в юность	17
Глава 11. Сцена. Как приходит внучка	18
Глава 12. Письмо отца Михаила Анне	19
Глава 13. Размышление. Что такое свеча	20
Глава 14. Письмо внучке. Последнее	21
Глава 15. Письмо бывшему мужу. Серёже	22
Глава 20. Письмо сыну. Сходи к маме и поешь	34
Глава 21. Письмо внучке. Смех как свет	36
Глава 22. Письмо внучке. Сайфер страха	38
Глава 23. Письмо внучке. Как сделать свечу	40
Глава 24. Письмо внучке. Метод окунания	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Восковые письма

Сергей Максимович Маузер

© Сергей Максимович Маузер, 2026

ISBN 978-5-0071-3428-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
«Восковые письма»

Предисловие

Эта книга — не роман в привычном смысле. Это собрание писем, которые Анна Петровна писала на протяжении многих лет. Она не отправляла их. Она складывала их в старую деревянную шкатулку, рядом с формами для свечей и куском пчелиного воска. После её смерти внучка, Ксения, нашла эти письма и передала их мне. Я, Сергей Маузер, знал Анну Петровну много лет. Она делала свечи для храма, в котором я иногда бывал. Она была женщиной нелюдимой, но её свечи говорили громче слов. Когда я прочитал эти письма, я понял: она всю жизнь пыталась сказать то, что не могла произнести вслух. И она нашла способ. Воск. Фитиль. Огонь. И письма.

Я не менял в них ни строчки. Только расположил в хронологическом порядке и добавил несколько глав, где описал её ремесло. Потому что её жизнь — это не только письма. Это ещё и воск, который она топила каждое утро. Это фитиль, который она скручивала своими руками. Это свет, который она зажигала для других. Я хочу, чтобы вы прочитали её слова. И, может быть, услышали то, что она так и не смогла сказать.

Глава 1. Письмо первое. Внучке

Здравствуй, Ксюша.

Я знаю, что ты не отвечаешь. Я не обижаюсь. У тебя своя жизнь, Москва, работа, эти ваши нейросети. Я всё понимаю. Но я всё равно пишу. Потому что мне нужно говорить. А говорить мне больше не с кем.

Сегодня я топила воск. Такой же, как в детстве. Мама говорила: «Воск — это живое. Он помнит руки. Если ты злишься, он это чувствует. Если ты торопишься, он трескается. Если ты молишься, он ложится ровно».

Я не знаю, молилась ли я. Я просто думала о тебе. О том, как ты маленькая сидела на полу в кухне и смотрела, как я заливаю формы. Тебе было пять. Ты сказала: «Бабуль, а свечи умирают?» А я ответила: «Нет. Они просто заканчиваются. Но свет, который они дали, остаётся».

Ты тогда не поняла. А сейчас, наверное, уже забыла.

Я хочу научить тебя делать свечи. Не потому, что это важно. А потому, что это мой способ сказать тебе то, что я не могу сказать словами. Приезжай. Хотя бы на один день. Я покажу тебе, как это делается. И, может быть, тогда ты поймёшь.

Твоя бабушка Аня.

Глава 2. Письмо второе. Мужу

Здравствуй, Серёжа.

Сегодня я снова топила воск. Два килограмма. Пчелиный, от отца Михаила. Он привозит мне каждую осень. Говорит: «Анна Петровна, вы последняя, кто помнит настоящий рецепт». Я не последняя. Я просто одна из немногих, кто не боится возиться.

Помнишь, как мы начинали? Ты пришёл в мастерскую, чтобы заказать свечи на Пасху. Я тогда только-только развелась с первым мужем. Ты сказал: «У вас руки, как у моей бабушки». Я не знала, комплимент это или оскорбление. А потом ты пришёл ещё раз. Потом ещё. А через год мы поженились.

Ты не любил, когда я работала ночью. Говорил: «Ты пахнешь воском, а я не могу тебя обнять, потому что ты горячая». Я смеялась. А теперь я одна. И воск — это единственное, что меня согревает.

Я не знаю, слышишь ли ты меня. Но я всё равно пишу. Потому что я обещала. Помнишь? «Пока я делаю свечи, ты будешь рядом». Я делаю. Ты рядом. Я верю.

Твоя Аня.

Глава 3. Письмо третье. Матери

Мама.

Ты ушла, когда мне было шестнадцать. Ты не сказала мне главного. Ты просто встала утром, поцеловала меня в лоб и ушла на работу. А вечером мне позвонили. Инфаркт. Ты умерла в автобусе. Тебя везли в больницу, но не успели.

Я не плакала на похоронах. Я не плакала потом. Я просто взяла твой воск, твои формы, твой фитиль. И начала делать свечи. Так же, как ты. Я не знала, зачем. Я просто делала. А потом поняла: это единственный способ говорить с тобой.

Ты никогда не учила меня словами. Ты учила руками. Ты говорила: «Смотри. Слушай. Чувствуй». И я смотрела. И слушала. И чувствовала. Я научилась. Но я так и не научилась говорить тебе «спасибо». И «прости». И «я тебя люблю».

Я пишу это письмо, чтобы сказать: я тебя люблю. И я прощаю тебя. За всё. За молчание. За холодность. За то, что ты не сказала мне главного. Я знаю, ты не могла. Ты не умела. Но ты научила меня. Свечами.

Твоя дочь.

Глава 4. Письмо четвёртое. Себе

Аня.

Ты боишься. Я знаю. Ты боишься, что не успеешь. Что не скажешь. Что не научишь. Что уйдёшь, и никто не вспомнит, как ты топила воск. Как нарезала фитиль. Как молилась.

Но знаешь что? Ты уже сделала главное. Ты научила. Не словами. Руками. Ты передала. Не рецепт. Огонь. Ты сделала свечи, которые горят в храмах, в домах, в руках у людей, которых ты никогда не увидишь. Ты сделала свет.

Ты не одна. Ты никогда не была одна. Ты была с матерью. С мужем. С внучкой. С воском. С Богом. Ты была с собой.

Ты боишься, что не успеешь сказать «прощай». Но ты уже сказала. Каждой свечой. Каждым письмом. Каждым утром, когда ты вставала и шла к плите. Ты говорила: «Я здесь. Я ещё здесь. Я делаю свет».

Ты всё сказала. Ты можешь отдохнуть.

Глава 5. Письмо подруге. Валентине

Валя, здравствуй.

Ты уехала в Ленинград сорок лет назад, а я всё ещё пишу тебе. Хотя знаю, что ты не ответишь. Ты вышла замуж, родила двоих, потом развелась, потом снова вышла. Я знаю это от твоей сестры. Она иногда заходит ко мне за свечами. Говорит: «Анна, ты всё ещё топишь воск?» Я киваю. Она вздыхает. Уходит.

А я вспоминаю, как мы с тобой в семьдесят пятом бегали на танцы в клуб. Ты была в красном платье, я — в синем. Ты говорила: «Аня, ты самая красивая». А я говорила: «Нет, ты». И мы смеялись. А потом ты уехала. И я осталась. С воском. С матерью. С мужем. С жизнью.

Иногда мне кажется, что я так и не научилась жить. Я просто научилась делать свечи. Это не одно и то же. Но, может быть, это и есть жизнь. Когда ты делаешь что-то руками, и это что-то нужно людям. Когда ты не одна. Когда ты с воском. С Богом. С памятью.

Я не знаю, счастлива ли ты. Я не знаю, счастлива ли я. Но я знаю одно: я делаю свет. И это моё оправдание. Перед собой. Перед матерью. Перед тобой.

Твоя Аня.

Глава 6. Письмо священнику. Отцу Михаилу

Батюшка, благословите.

Я пишу вам, потому что не могу сказать вслух. Вы привозите мне воск каждую осень. Вы говорите: «Анна Петровна, вы последняя, кто помнит настоящий рецепт». Я не последняя. Я просто одна из немногих. Но я хочу рассказать вам, как я начала.

Это было в семьдесят девятом. Мама умерла. Я осталась одна. Мне было шестнадцать. Я не знала, что делать. Я пришла в храм. Я стояла у свечного ящика и смотрела на свечи. Они горели. Ровно. Тихо. Я купила одну. Поставила. И вдруг поняла: я хочу делать такие же. Чтобы кто-то другой поставил. И чтобы ему стало легче.

Я пришла домой. Взяла мамин воск. Мамины формы. Мамин фитиль. Я не знала, как это делается. Я просто делала. Криво. Косо. Слёзы текли в воск. Я думала, что испортила. А когда свеча застыла, я зажгла её. И она горела. Ровно. Тихо. Как в храме.

С тех пор я делаю свечи. Каждый день. Утро. Воск. Фитиль. Молитва. Я не знаю, слышит ли меня Бог. Но я знаю, что слышит воск. Он помнит руки. Он помнит слёзы. Он помнит всё.

Простите меня, батюшка, если что не так. Я просто хотела сказать.

Ваша прихожанка Анна.

Глава 7. Подробности ремесла. Как я делаю свечи

Я делаю свечи так, как учила меня мать. Она говорила: «Воск — это живое. Не торопись. Не злись. Не отвлекайся». Я не тороплюсь. Я не злюсь. Я не отвлекаюсь. Я просто делаю.

Воск. Я беру только пчелиный. От отца Михаила. Он привозит его из пасеки под Сергиевым Посадом. Воск жёлтый, пахнет мёдом и травами. Я пробую его на зуб. Если хрустит — хороший. Если мягкий — нет. Я не знаю, откуда это знание. Оно во мне с детства.

Фитиль. Я делаю его сама. Из хлопковой нити. Я скручиваю её в жгут. Пропитываю воском. Сушу. Я не покупаю готовый. Потому что готовый — мёртвый. А мой — живой. Он горит ровно. Не коптит. Не гаснет.

Форма. У меня есть старые алюминиевые формы. Мамины. Некоторые — ещё бабушкины. Они тяжёлые. Тёмные. С трещинами. Я не меняю их. Я не покупаю новые. Потому что эти — помнят руки. Мои. Мамины. Бабушкины.

Заливка. Я топлю воск на водяной бане. Температура — не выше семидесяти градусов. Если выше — воск темнеет. Теряет запах. Я помешиваю деревянной палочкой. Медленно. По часовой стрелке. Я не знаю, почему по часовой. Так

делала мама. Так делаю я.

Остывание. Я оставляю формы при комнатной температуре. Не в холодильнике. Не на сквозняке. Медленно. Чтобы воск не треснул. Чтобы свеча была ровной. Чтобы горела долго.

Обрезка. Я обрезаю фитиль до половины сантиметра. Я не использую ножницы. Только нож. Острый. Чтобы срез был чистым. Чтобы пламя было ровным.

Упаковка. Я заворачиваю свечи в бумагу. Не в плёнку. Бумага дышит. Плёнка — нет. Я подписываю каждую. «Анна Петровна». И дату. Чтобы знали, когда сделана. Чтобы помнили.

Это не рецепт. Это молитва. Каждый день. Утро. Воск. Фитиль. Свет.

Глава 8. Письмо первому мужу. Виктору

Витя, здравствуй.

Я знаю, что ты не читаешь. Ты умер в девяносто восьмом. Но я всё равно пишу. Потому что я так и не сказала тебе главного. Я не сказала: «Прости». Я не сказала: «Я не хотела». Я не сказала: «Я тебя любила».

Мы прожили вместе три года. Ты был хорошим. Ты не пил. Не бил. Не изменял. Ты просто не понимал. Ты не понимал, почему я сижу с воском до ночи. Почему я не хочу ехать на юг. Почему я не хочу детей. Ты говорил: «Аня, ты как будто не здесь». А я была здесь. Просто я была с воском. С матерью. С Богом.

Я ушла. Ты не боролся. Ты просто отпустил. Я думала, что ты меня не любил. А потом, через много лет, я поняла: ты любил. Ты просто не знал, как. Как и я. Как и все мы.

Я не знаю, где ты. Я не знаю, слышишь ли ты меня. Но я хочу сказать: прости. И спасибо. За то, что был. За то, что не мешал. За то, что отпустил.

Твоя Аня.

Глава 9. Письмо соседке. Тамаре

Тамара, здравствуй.

Ты заходишь ко мне каждую субботу. Приносишь помидоры. Говоришь: «Анна, ты бы хоть на улицу вышла». Я киваю. Но не выхожу. Потому что мне некогда. У меня воск. Фитиль. Молитва.

Ты не понимаешь. Ты думаешь, что я сумасшедшая. Может, ты права. Но я не могу иначе. Если я не сделаю свечи, кто-то останется без света. Кто-то придёт в храм. Поставит свечу. Помолится. И ему станет легче. А если я не сделаю — он не поставит. И не помолится. И не станет легче.

Я знаю, что это звучит странно. Но это моя жизнь. Моя. Мамина. Бабушкина. Я не могу её предать. Я не могу предать воск.

Спасибо тебе. За помидоры. За субботы. За то, что не бросаешь. Я знаю, что я не самая простая соседка. Но ты — самая лучшая.

Твоя Аня.

Глава 10. Письмо себе в юность

Аня.

Ты сейчас сидишь на полу в кухне. Тебе шестнадцать. Мама умерла. Ты не знаешь, что делать. Ты плачешь. Ты боишься. Ты одна.

Я хочу сказать тебе: не бойся. Ты справишься. Ты не будешь идеальной. Ты будешь кривой. Косой. Сломанной. Но ты будешь жить. Ты будешь делать свечи. Ты будешь писать письма. Ты будешь любить. Ты будешь терять. Ты будешь находить. Ты будешь собой.

Не бойся воска. Он живой. Он помнит руки. Он не обожжёт. Он согреет. Не бойся одиночества. Оно не навсегда. К тебе придут. Внучка. Соседка. Священник. Муж. Даже если не сразу. Даже если не те, кого ты ждёшь. Они придут.

Не бойся себя. Ты — свет. Ты — воск. Ты — фитиль. Ты — молитва. Ты — Аня. Ты — я.

Глава 11. Сцена. Как приходит внучка

Было утро. Я топила воск. В дверь позвонили. Я не ждала. Я никого не ждала. Я открыла. На пороге стояла Ксюша. Внучка. В пальто. С чемоданом. С заплаканными глазами.

— Бабуль, — сказала она. — Я приехала.

Я не знала, что сказать. Я просто обняла её. Она пахла Москвой. Духами. Кофе. А я пахла воском. Мёдом. Свечами. Мы стояли в дверях. Долго. Молча.

— Я прочитала твои письма, — сказала она. — Все. Я не знала. Я не знала, что ты умеешь так писать. Я не знала, что ты боишься. Я не знала, что ты меня ждёшь.

— Я ждала, — сказала я. — Каждый день.

— Я останусь, — сказала она. — На неделю. Научи меня делать свечи.

Я улыбнулась. Впервые за долгое время. Я взяла её за руку. Провела в кухню. Показала на воск. На формы. На фитиль.

— Смотри, — сказала я. — Слушай. Чувствуй.

Она смотрела. Слушала. Чувствовала. И я поняла: свет не закончится. Он перейдёт в другие руки. В её руки. И будет гореть. Долго. Ровно. Тихо. Как в храме.

Глава 12. Письмо отца Михаила Анне

Анна Петровна, здравствуйте.

Я пишу вам, потому что не могу сказать вслух. Вы делаете свечи для нашего храма уже сорок лет. Вы не берёте денег. Вы не просите благодарности. Вы просто делаете. И я хочу сказать вам: спасибо.

Я знаю, что вы не считаете себя святой. Я знаю, что вы ругаетесь. Что вы устали. Что вы иногда плачете над воском. Я всё это знаю. Но я также знаю, что вы делаете свет. Для других. Для меня. Для Бога.

Я молюсь за вас. Каждый день. Я прошу, чтобы Господь дал вам сил. Чтобы он дал вам мира. Чтобы он дал вам света. Не только того, который вы делаете. Но и того, который внутри вас.

Спасибо вам. За всё. За воск. За фитиль. За молитву.
Отец Михаил.

Глава 13. Размышление.

Что такое свеча

Свеча — это не воск. Не фитиль. Не форма. Свеча — это время. Ты тратишь время. Ты топишь воск. Ты нарезаешь фитиль. Ты заливаешь форму. Ты ждёшь. Ты обрезаешь. Ты упаковываешь. Ты отдаёшь. Всё это — время. Твоё. Ты могла бы потратить его на себя. На отдых. На сон. На телевизор. Но ты тратишь его на свечу. На свет. На другого.

Свеча — это жертва. Не в смысле боли. В смысле отдачи. Ты отдаёшь своё время. Свои руки. Своё тепло. Свою молитву. И получаешь взамен — свет. Который горит. Который согревает. Который напоминает: ты не одна. Ты с Богом. Ты с людьми. Ты с собой.

Свеча — это письмо. Без слов. Без бумаги. Без конверта. Но письмо. Которое читают. Которое понимают. Которое помнят. Даже когда оно догорит. Даже когда воск закончится. Даже когда тебя не станет. Свет останется. В чьей-то памяти. В чьём-то сердце. В чьей-то свече.

Глава 14. Письмо внучке. Последнее

Ксюша.

Если ты читаешь это, значит, меня уже нет. Не грусти. Я прожила долгую жизнь. Я сделала много свечей. Я написала много писем. Я любила. Я теряла. Я прощала. Я была собой.

Я хочу, чтобы ты знала: ты — моё продолжение. Не потому, что ты моя внучка. А потому, что ты — свет. Ты научишься. Ты сделаешь. Ты отдашь. Ты будешь делать свечи. Или не свечи. Не важно. Важно, чтобы ты отдавала. Время. Тепло. Любовь. Себя.

Не бойся воска. Он живой. Он помнит руки. Он не обожжёт. Он согреет. Не бойся одиночества. Оно не навсегда. К тебе придут. Как пришла я. Как пришёл он. Как придёт кто-то ещё. Просто жди. И делай. Делай свет. Даже если никто не видит. Даже если никто не благодарит. Даже если никто не помнит. Делай. Потому что свет — это ты.

Я тебя люблю. Я тебя слышу. Я тебя помню.

Твоя бабушка Аня.

Глава 15. Письмо бывшему мужу. Серёже

Здравствуй, Серёжа.

Давно хотела тебе сказать. В нашей жизни всё произошло именно так, как и должно было произойти. Благодарю тебя за те счастливые минуты, которые были в нашей жизни. За то, что ты был. За то, что не мешал. За то, что отпустил.

Я пишу это письмо, хотя знаю, что ты его не прочитаешь. Ты ушёл двенадцать лет назад. Тихо. Во сне. Я не плакала на похоронах. Я не плакала потом. Я просто взяла твой воск. Тот самый, который ты приносил мне каждую осень. И начала делать свечи. Так же, как ты учил. Не словами. Руками.

Помнишь, как мы познакомились? Ты пришёл в мастерскую заказать свечи на Пасху. Я тогда только развелась с Виктором. Была злая. Уставшая. Ты сказал: «У вас руки, как у моей бабушки». Я не знала, комплимент это или оскорбление. А потом ты пришёл ещё раз. Потом ещё. А через год мы поженились.

Ты не любил, когда я работала ночью. Говорил: «Ты пахнешь воском, а я не могу тебя обнять, потому что ты горячая». Я смеялась. А теперь я одна. И воск — это единственное, что меня согревает.

Я не знаю, слышишь ли ты меня. Но я всё равно пишу.

Потому что я обещала. Помнишь? «Пока я делаю свечи, ты будешь рядом». Я делаю. Ты рядом. Я верю.

Прости меня. За то, что не всегда была ласковой. За то, что уходила в мастерскую вместо того, чтобы сидеть с тобой. За то, что не сказала вовремя: «Я тебя люблю». Я говорю это сейчас. Поздно. Но говорю.

Спасибо тебе. За всё. За воск. За фитиль. За свет. За жизнь. Я делаю свечи. Каждый день. Утро. Воск. Фитиль. Молитва. И в каждой свече — ты. Твоё тепло. Твоё молчание. Твоя любовь.

Твоя Аня.

Глава 16. Письмо мужу. То, что не отправила
Здравствуй, Серёжа.

Надоели мне твои борщи, уйду от тебя. Твою квартиру придётся поделить пополам. Так ты сказал. Я помню. Ты стоял в дверях. В пальто. С чемоданом. Я не плакала. Я просто смотрела. А ты говорил. Говорил про борщи. Про квартиру.

Про то, что я тебя не понимаю. А я стояла и думала: «Ты сейчас уйдёшь. А я останусь. С воском. С формами. С фитилём. И буду делать свечи. Потому что это единственное, что я умею».

Ты ушёл. Я поделила квартиру. Не пополам. Я отдала тебе половину. Ты забрал мебель. Телевизор. Холодильник. Я оставила себе кухню. Плиту. Воск. Формы. Фитиль. И тишину.

Ксюша удивлялась твоему аппетиту. Помнишь? Она говорила: «Бабуль, почему дедушка так много ест?» А я отвечала: «Он работает». А потом я узнала. Ты не работал. Ты кормил две семьи. Свою. И ещё одну. Ту, которую ты завёл. Я не злилась. Я просто поняла: ты всегда был голодным. Не потому, что хотел есть. А потому, что хотел жить. Двумя жизнями. Двумя семьями. Двумя женщинами. А я не могла. Я могла только воск. Только фитиль. Только свет.

Ты ушёл. Я осталась. С воском. С формами. С молитвой. Я делала свечи. Каждый день. Утро. Воск. Фитиль. Свет. И в каждой свече — ты. Твой аппетит. Твоя ложь. Твоё молчание. Я не могла тебя вернуть. Я не хотела. Я просто делала свет. Для других. Для себя. Для Бога.

Прошло двенадцать лет. Ты умер. Я не плакала. Я просто взяла твой воск. Тот самый, который ты приносил мне каждую осень. И сделала свечу. Одну. Последнюю. Я зажгла её. И она горела. Ровно. Тихо. Как в храме. Я смотрела на неё и думала: «Вот и всё. Ты ушёл. А свет остался». Спасибо тебе.

За воск. За фитиль. За свет. За жизнь. За всё. Я не держу зла. Я просто делаю свечи. И в каждой — ты.

Твоя Аня.

Глава 17. Письмо дочери. Мама, прости меня!

Здравствуй, Оля.

Я пишу тебе, хотя знаю, что ты не ответишь. Ты уехала в Москву двадцать лет назад. Ты вышла замуж. Родила Ксюшу. Ты звонишь раз в год. На Пасху. На Рождество. Ты говоришь: «Мама, как дела?» Я говорю: «Хорошо». Ты говоришь: «Ну, пока». Я говорю: «Пока». Мы обе врём.

Я знаю, что ты меня не простила. За то, что я не приехала, когда ты рожала. За то, что я не сидела с Ксюшей, когда ты работала. За то, что я всегда была с воском. С формами. С фитилём. С молитвой. А ты была одна. С мужем. С ребёнком. С жизнью. Я знаю. Я всё знаю. И я прошу: прости меня.

Я не умела быть матерью. Я умела только делать свечи. Моя мать тоже не умела. Она умерла, когда мне было шестнадцать. Она не сказала мне главного. Она не обняла меня. Она не сказала: «Я тебя люблю». Я выросла с воском. С формами. С фитилём. Я думала, что этого достаточно. Я думала, что если я делаю свет для других, то и для тебя хватит. Я ошибалась.

Я помню, как ты маленькая сидела на полу в кухне и смотрела, как я заливаю формы. Тебе было пять. Ты сказала: «Мама, а свечи умирают?» Я ответила: «Нет. Они просто за-

канчиваются. Но свет, который они дали, остаётся». Ты тогда не поняла. А сейчас, наверное, уже забыла. А я помню. Я помню всё. Я помню, как ты плакала, когда я не пришла на твой утренник. Я помню, как ты злилась, когда я не купила тебе то платье. Я помню, как ты уехала. Я помню. И я прошу: прости меня.

Ты не обязана. Я знаю. Ты можешь не отвечать. Ты можешь не приезжать. Ты можешь не простить. Но я всё равно пишу. Потому что я устала молчать. Я устала делать свечи и думать, что этого достаточно. Я хочу сказать тебе: я тебя люблю. Я тебя слышу. Я тебя помню. Даже если ты меня не слышишь. Даже если ты меня не помнишь. Даже если ты меня не простишь.

Твоя мама.

P.S. Я знаю, что ты математик. Ты всегда любила числа. Я не понимаю твоих формул. Но я знаю одно: если число 2026 поделить на все числа от 1 до 2026, остатки будут разные. Но самый главный остаток — это ты. Ты — мой остаток. Ты — мой свет. Прости меня.

Глава 18. Письмо дочери. Дом, который мы не забрали
Здравствуй, Оля.

Я снова пишу тебе. Хотя знаю, что ты не ответишь. Я слышала, что к тебе приходила новая невеста Павла. Она сказала: «Я невеста Павла. Пришла увидеть дом, который мы у вас заберём». Она стояла на пороге. В пальто. С сумкой.

С улыбкой. Она умела вежливо унижать. Это её идея — забрать дом у бывшей жены Павла раньше совершеннолетия детей. Она хотела, чтобы ты осталась ни с чем. Она хотела, чтобы ты почувствовала, что тебя здесь больше нет.

Ты сказала: «Подождите. У меня с отцом моих детей договорённость». Ты собрала мысли в кучу. Ты не заплакала. Ты не закричала. Ты просто сказала. И я тобой горжусь. Я не всегда была рядом. Я не всегда говорила тебе «молодец». Но сейчас я говорю: ты справилась. Ты не отдала дом. Не потому, что он твой. А потому, что он — память. Память о том, как ты мыла полы. Как ты клеила обои. Как ты сажала цветы под окном. Как ты родила Ксюшу. Дом — это не стены. Это ты. И ты его не отдала.

Я знаю, что тебе было больно. Я знаю, что ты плакала ночью. Я знаю, что ты звонила мне, но не дозвонилась. Потому что я была в мастерской. С воском. С формами. С фитилём. С молитвой. Я всегда была в мастерской. Я всегда делала свечи. Я думала, что этого достаточно. Я ошибалась.

Я вспоминаю фильм, который ты любила смотреть в детстве. «Вторая жизнь Уве». Ты говорила: «Мама, он такой ворчливый, но добрый». Я не смотрела. Мне было некогда. Я делала свечи. А теперь я думаю: может, я тоже была как Уве? Ворчливая. Одинокая. Делала своё дело. И не замечала, что рядом — люди. Ты. Ксюша. Серёжа. Все, кого я любила. Все, кого я потеряла.

Прости меня. За то, что не была рядом, когда ты отстаи-

вала дом. За то, что не была рядом, когда ты рожала. За то, что не была рядом, когда ты просто хотела, чтобы я обняла тебя. Я не умела. Я умела только воск. Только фитиль. Только свет. Но свет — это тоже любовь. Просто я не умела её показывать. Я показывала её свечами.

Ты не обязана меня прощать. Но я всё равно пишу. Потому что я устала молчать. Я хочу, чтобы ты знала: я тебя люблю. Я тебя слышу. Я тебя помню. Даже если ты меня не слышишь. Даже если ты меня не помнишь. Даже если ты меня не простишь. Я всё равно буду делать свечи. И в каждой свече — ты. Твой дом. Твоя жизнь. Твой свет.

Твоя мама.

Глава 16.

*Письмо мужу.
То, что не отправила*

Глава 19. Письмо себе. Обломки чувств Аня.

Сегодня я услышала песню. По радио. Таня Терёшина.
«Обломки чувств». Я не знала, что это она. Я просто услы-

шала слова. Про обломки. Про чувства. Про то, что остаётся после любви. Я стояла у плиты. Воск топился. Фитиль лежал рядом. Я слушала. И плакала. Впервые за долгое время. Я не плакала, когда умерла мама. Не плакала, когда ушёл Виктор. Не плакала, когда умер Серёжа. А тут — заплакала. Потому что песня. Потому что слова. Потому что правда.

Я подумала: моя жизнь — это обломки чувств. Обломки любви. Обломки надежд. Обломки людей. Мама. Виктор. Серёжа. Дочь. Внучка. Все они — обломки. Я собирала их. Как воск. Как фитиль. Как форму. Я плавила их. И делала свечи. Свет. Чтобы не было так больно. Чтобы не было так пусто. Чтобы не было так одиноко.

Я не знаю, что останется после меня. Обломки свечей? Обломки писем? Обломки воска? Может быть. Но я знаю одно: я собирала. Я не выбрасывала. Я не забывала. Я плавила. Я делала свет. Даже из обломков. Даже из боли. Даже из одиночества.

Прости меня, Аня. За то, что не умела любить словами. За то, что не умела обнимать. За то, что не умела быть рядом. Я умела только воск. Только фитиль. Только свет. Но, может быть, этого достаточно. Может быть, свет — это и есть любовь. Просто другая. Тихая. Тёплая. Вечная.

Я доплачу воск. Уберу фитиль. Зажгу свечу. И буду смотреть. Как горит. Ровно. Тихо. Как в храме. И в этом огне — все они. Мама. Виктор. Серёжа. Дочь. Внучка. Все, кого я любила. Все, кого я потеряла. Все, кто остался. В обломках.

В чувствах. Во мне.
Твоя Аня.

Глава 20. Письмо сыну.

Сходи к маме и поешь

Здравствуй, сынок.

Я пишу тебе, хотя знаю, что ты не ответишь. Ты редко отвечаешь. Ты занят. Работа. Жена. Дети. Жизнь. Я понимаю. Я не обижаюсь. Я просто пишу. Потому что мне нужно говорить. А говорить мне больше не с кем.

Вчера я вспомнила, как ты был маленьким. Ты сидел на полу в кухне и смотрел, как я заливаю формы. Тебе было четыре. Ты сказал: «Мама, а можно я тоже?» Я дала тебе кусок воска. Ты лепил. Криво. Косо. Смеялся. А потом сказал: «Мама, у меня получилась свечка». Я посмотрела. Это была не свечка. Это был комок. Но я сказала: «Да. Настоящая свечка». Ты был счастлив. Я тоже. Я помню это. Ты, наверное, уже забыл.

Я слышала, как твоя жена сказала: «Сходи к маме и поешь. Ты же туда бесконечно д...» Она не договорила. Но я поняла. Она считает, что ты ходишь ко мне только за едой. Может, она права. Может, ты действительно приходишь только за борщом. Но я не обижаюсь. Я рада, что ты приходишь. Даже за борщом. Даже на пять минут. Даже молча.

Я знаю, что Светлана Ивановна, твоя тёща, избалована мужем. Она привыкла, что всё ей позволено. Она считает,

что ты должен её обеспечивать. Может, она права. Может, так и должно быть. Я не знаю. Я не вмешиваюсь. Я просто делаю свечи. Утро. Воск. Фитиль. Молитва. Я не требую. Я не прошу. Я просто жду. Когда ты придёшь. Когда ты позволишь. Когда ты вспомнишь.

Я не миллионер. Я не могу дать тебе квартиру. Машину. Деньги. Я могу дать тебе свечу. Одну. Маленькую. Я сделала её для тебя. Она лежит на столе. Ждёт. Когда ты придёшь, я отдам её. Ты зажжёшь. И, может быть, вспомнишь. Как ты лепил комок. Как ты смеялся. Как ты говорил: «Мама, у меня получилась свечка». И я говорила: «Да. Настоящая».

Прости меня. За то, что не умела любить словами. За то, что не умела обнимать. За то, что не умела быть рядом. Я умела только воск. Только фитиль. Только свет. Но, может быть, этого достаточно. Может быть, свет — это и есть любовь. Просто другая. Тихая. Тёплая. Вечная.

Твоя мама.

Глава 21. Письмо внучке. Смех как свет

Здравствуй, Ксюша.

Сегодня я случайно увидела видео. В интернете. Ты знаешь, я редко смотрю видео. Мне некогда. Воск. Фитиль. Молитва. Но тут я зашла на Rutube. Не помню, зачем. И увидела: «Вика Складчикова StandUp на ТНТ». Длительность — шесть минут тридцать четыре секунды. Я не знала, кто это. Я просто нажала. И стала смотреть.

Она вышла на сцену. В простом платье. Без макияжа. Без пафоса. И начала шутить. Про себя. Про свою внешность. Про свою неуверенность. Про то, как она пыталась быть идеальной. Про то, как у неё не получилось. Зал смеялся. А я смотрела. И не смеялась. Я смотрела и узнавала себя. Она говорила правду. Она не боялась быть неидеальной. Она выходила на сцену и говорила: «Я такая, какая есть». И люди смеялись. Не над ней. Вместе с ней.

Я вспомнила тебя. Ты всегда любила шутить. Ты говорила: «Бабуль, ну что ты такая серьёзная?» А я отвечала: «Мне некогда». Я делала свечи. Я топила воск. Я скручивала фитиль. Я молилась. Я не смеялась. Я не умела. А теперь я думаю: может, я зря? Может, смех — это тоже свет? Может, если бы я смеялась больше, то и свечи были бы ярче?

Я не знаю, кто такая Вика Складчикова. Я не знаю, что она пережила. Но я вижу: она нашла способ говорить правду. Через смех. Через шутки. Через сцену. Я не умею так. Я умею только воск. Только фитиль. Только молитву. Но, может быть, это одно и то же. Может быть, свеча — это тоже шутка. Тихая. Тёплая. Которую понимают только те, кто рядом.

Я хочу, чтобы ты знала: я не всегда была права. Я не всегда была хорошей бабушкой. Я не всегда была рядом. Я делала свечи. И думала, что этого достаточно. Но, может быть, недостаточно. Может быть, нужно было смеяться. Обнимать. Говорить: «Я тебя люблю». Я не умела. Прости меня.

Я не буду больше смотреть StandUp. Это не моё. Но я запомню эту девушку. Вику. Она напомнила мне, что правда — она разная. Иногда тихая. Иногда смешная. Иногда свеча. Иногда шутка. Главное, чтобы она была. А я буду делать свечи. И, может быть, иногда улыбаться. Как она. Как ты. Как все, кто умеет смеяться.

Твоя бабушка Аня.

Глава 22. Письмо внучке. Сайфер страха

Здравствуй, Ксюша.

Сегодня я услышала, как ты слушаешь музыку. В наушниках. Я не знаю, что это было. Ты сказала: «OG Buda. Сайфер». Я не поняла. Ты объяснила: «Это рэп. Про жизнь. Про боль. Про то, что мы все — в одном круге». Я кивнула. Но не поняла. Я никогда не понимала твою музыку. Она громкая. Быстрая. Злая. А я привыкла к тишине. К воску. К фитилю. К молитве.

Но потом я задумалась. Может, это тоже свеча? Только другая. Громкая. Быстрая. Злая. Может, это твой способ говорить правду. Как у меня — воск. Как у Вики — смех. Как у OG Buda — рэп. Все мы говорим правду. Только разными словами. Разными звуками. Разными свечами.

Я вспомнила, как боялась твоего деда. Не побоев. Он не бил. Он молчал. Он уходил. Он возвращался. Он говорил: «Надоели мне твои борщи». А я молчала. Я не боялась его. Я боялась одиночества. Я боялась, что если он уйдёт, то я останусь одна. С воском. С формами. С фитилём. И я держалась. Не за него. За страх. За привычку. За тишину.

Я читала статью. «Боишься мужа? Разберись, что держит тебя рядом». Психолог. Алекс. Он не осуждает. Не торопит.

Помогает увидеть манипуляцию. Вернуть опору. Я подумала: если бы я прочитала это сорок лет назад, может, я бы ушла. Может, я бы не боялась. Может, я бы не молчала. Но я не прочитала. Я просто делала свечи. И думала, что этого достаточно. Я ошибалась.

Я не знаю, боишься ли ты кого-то. Я не знаю, держит ли тебя что-то рядом. Я не знаю, нужна ли тебе опора. Но я хочу сказать: не бойся. Уходи. Если тебе плохо. Если тебя не слышат. Если тебя не любят. Уходи. Не держись за страх. Не держись за привычку. Не держись за тишину. Держись за себя. За свой свет. За свою свечу.

Я не умела говорить это вслух. Я пишу. Потому что мне нужно сказать. Ты не обязана слушать. Ты не обязана отвечать. Ты не обязана меня прощать. Но я всё равно пишу. Потому что я устала молчать. Я хочу, чтобы ты знала: я тебя люблю. Я тебя слышу. Я тебя помню. Даже если ты меня не слышишь. Даже если ты меня не помнишь. Даже если ты меня не простишь.

Твоя бабушка Аня.

Глава 23. Письмо внучке.

Как сделать свечу

Здравствуй, Ксюша.

Ты уехала вчера. Ты сказала: «Бабуль, я хочу попробовать сама. Дома. В Москве. Научи меня». Я не успела. Ты торопилась. Поезд. Работа. Жизнь. Я не обижаюсь. Я пишу. Потому что мне нужно сказать. Потому что ты должна знать.

Сделать церковные свечи из натурального пчелиного воска в домашних условиях вполне реально. Главное — соблюдать технологию, чтобы свечи хорошо горели и не давали копоти. Это не мои слова. Это слова Сергея Маузера, человека, который знает о воске больше, чем я. Я читала его статьи. Я смотрела его видео. Я видела его формы. И я поняла: он делает то же, что и я. Только он говорит. А я молчу. Но суть одна.

Вот что тебе понадобится. Пчелиный воск. Только натуральный. Без добавок. Если он хрустит на зубах, значит, хороший. Если мягкий, значит, нет. Это не мой метод. Это метод моей матери. Она пробовала воск на зуб. Я тоже. Ты можешь попробовать. Это не страшно. Это просто. Это правда.

Ещё тебе понадобится фитиль. Хлопковый. Не синтетический. Я скручиваю его сама. Из нити. Пропитываю воском. Сушу. Ты можешь купить готовый. Но готовый — мёртвый.

А свой — живой. Он горит ровно. Не коптит. Не гаснет.

Ещё форма. У меня старые алюминиевые. Мамины. Бабушкины. Тяжёлые. Тёмные. С трещинами. Я не меняю их. Ты можешь купить новые. Но помни: форма — это не просто металл. Это память. Если ты возьмёшь мою форму, ты почувствуешь мои руки. Если купишь новую, ты почувствуешь только свои. Я не знаю, что лучше. Решай сама.

Ещё плита. Водяная баня. Термометр. Деревянная палочка. Нож. Бумага. Всё просто. Всё обычно. Но за этим — свет.

Воск топи на водяной бане. Температура — не выше семидесяти градусов. Если выше — воск темнеет. Теряет запах. Помешивай деревянной палочкой. Медленно. По часовой стрелке. Я не знаю, почему по часовой. Так делала мама. Так делаю я. Ты можешь делать против. Но тогда свеча будет другой. Может, лучше. Может, хуже. Не знаю. Пробуй.

Залей воск в форму тонкой струёй. Чтобы не было пузырьков. Пузырьки — это суета. Свеча их запомнит. И будет трещать. Оставь форму при комнатной температуре. Не в холодильнике. Не на сквозняке. Медленно. Чтобы воск не треснул. Чтобы свеча была ровной. Чтобы горела долго.

Обрежь фитиль до половины сантиметра. Не ножницами. Ножом. Острым. Чтобы срез был чистым. Чтобы пламя было ровным. Заверни свечу в бумагу. Не в плёнку. Бумага дышит. Плёнка — нет. Подпиши. «Ксюша». И дату. Чтобы знали, когда сделана. Чтобы помнили.

Это не рецепт. Это молитва. Каждый день. Утро. Воск.

Фитиль. Свет. Ты можешь делать это в Москве. В своей квартире. На своей кухне. Ты можешь делать это, когда тебе плохо. Когда тебе страшно. Когда тебе одиноко. Ты можешь делать это, когда ты счастлива. Когда ты влюблена. Когда ты просто хочешь тишины.

Ты не обязана быть идеальной. Ты не обязана делать всё правильно. Ты можешь ошибаться. Ты можешь плакать. Ты можешь злиться. Воск всё стерпит. Он живой. Он помнит руки. Он не обожжёт. Он согреет.

Я не знаю, будешь ли ты делать свечи. Я не знаю, будешь ли ты писать письма. Я не знаю, будешь ли ты помнить меня. Но я хочу, чтобы ты знала: я тебя люблю. Я тебя слышу. Я тебя помню. Даже если ты меня не слышишь. Даже если ты меня не помнишь. Даже если ты меня не простишь.

Твоя бабушка Аня.

Глава 24. Письмо внучке. Метод окунания

Здравствуй, Ксюша.

Ты уехала. Я осталась. С воском. С формами. С фитилём. Я думала о тебе. Я думала о том, что не успела сказать. Ты хотела научиться. Я не успела. Поэтому пишу. Это письмо — продолжение. Это урок. Это молитва.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.